
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Научная статья

УДК/UDC 342.5

DOI: 10.21779/2224-0241-2025-55-3-7-13

К вопросу становления органов государственной власти в Дагестане в начале XX века

5.1.1 — Теоретико-исторические правовые науки

Магомедзапир Нурмагомедович Абдуллаев¹, Магомед Магомедзапирович Абдуллаев²

^{1,2} Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация

¹ mnabdullaev@mail.ru

² m.mabdullaev@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются этнополитические особенности формирования государственной власти в Дагестане на протяжении XX – начала XXI веков. Рассматривается эволюция системы управления от традиционных форм самоорганизации до современных институтов власти в условиях полиэтнического региона. Особое внимание уделяется советскому периоду, когда была создана уникальная модель этнического представительства, а также постсоветской трансформации, сопровождавшейся поиском баланса между централизацией и сохранением этнополитического баланса. Анализируются ключевые вызовы, с которыми сталкивалась дагестанская государственность, включая необходимость учета многообразия культурных и правовых традиций при построении унифицированной системы управления.

Ключевые слова: Дагестан, этнополитика, государственная власть, традиционные институты, советский период, постсоветская трансформация, этническое представительство, Государственный Совет, президентская система, местное самоуправление, Северный Кавказ

Для цитирования: Абдуллаев М.Н., Абдуллаев М.М. К вопросу становления органов государственной власти в Дагестане в начале XX века // Юридический вестник ДГУ. 2025. Т. 55, № 3 (75). С. 7–13. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-55-3-7-13

Original article

Regarding the Development of Governmental Bodies in Dagestan at the Beginning of the 20th Century

5.1.1 — Theoretical and historical legal sciences

Magomedzapir N. Abdullaev¹, Magomed M. Abdullaev²

^{1,2} Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

¹ mnabdullaev@mail.ru

² m.mabdullaev@mail.ru

Abstract. The article examines the ethno-political features of state power formation in Dagestan throughout the 20th and early 21st centuries. It explores the evolution of governance systems from traditional self-organization forms (jamaats, khanates, Sharia courts) to modern power institutions in a multi-ethnic region. Special attention is paid to the Soviet period, which established a unique model of ethnic representation, and the post-Soviet transformation that sought to balance centralization with ethno-political equilibrium. The study analyzes key challenges faced by Dagestan's statehood, including the need to accommodate diverse cultural and legal traditions while building a unified governance system.

Keywords: Dagestan, ethno-politics, state power, traditional institutions, Soviet period, post-Soviet transformation, ethnic representation, State Council, presidential system, local self-government, North Caucasus

For citation: Abdullaev M.N., Abdullaev M.M. Regarding the Development of Governmental Bodies in Dagestan at the Beginning of the 20th Century. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2025, vol. 55, no. 3 (75), pp. 7–13. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-55-3-7-13. (In Russ.).

Конец XIX – начало XX века ознаменовались для Дагестана сложными и многослойными процессами трансформации системы управления, обусловленными как внутренними социально-экономическими факторами, так и интеграцией региона в общеимперское административное пространство. В этот период происходило постепенное замещение традиционных институтов власти, основанных на нормах обычного права (адата) и исламских правовых традициях (шариата), бюрократическими структурами, характерными для Российской империи. Однако данный переход не носил линейного характера, а представлял собой противоречивый синтез имперских управленческих моделей и местных политических практик.

Основой административного устройства Дагестана в последние десятилетия XIX века являлась так называемая военно-народная система, введенная после завершения Кавказской войны. Более того, И.А. Исаев в своих трудах писал, что «Россия никогда не станет ни чистым Западом, ни истинным Востоком, но зато они могут встретиться на ее территории, встретиться политически и культурно» [1, с. 1]. Эта модель сочетала военное управление через назначаемых офицеров с сохранением элементов местного самоуправления в сельских обществах, создавая уникальный гибрид имперских и традиционных институтов.

Территория области была разделена на округа (например, Аварский, Даргинский, Казикумухский), во главе которых стояли русские военные начальники, подчинявшиеся непосредственно начальнику Дагестанской области.

Примечательно, что, несмотря на формальное включение Дагестана в общеимперскую систему управления, реальное администрирование на местах осуществлялось с существенными коррективами. Так, сохранялась особая роль сельских сходов (джамаатов) и мусульманского судопроизводства по вопросам семейного и наследственного права. Подобный компромисс позволял имперской администрации минимизировать сопротивление местного населения, но одновременно создавал предпосылки для постоянного напряжения между традиционными и новыми институтами власти.

Процессы модернизации, постепенно затрагивавшие Дагестан в предреволюционные десятилетия, оказывали существенное влияние на трансформацию системы управления. Строительство железных дорог (в частности, участка Владикавказской железной дороги), развитие промышленности (прежде всего нефтяной в Дербентском районе) и рост торговых связей с другими регионами империи требовали создания более сложных и специализированных административных структур.

В этот период наблюдается постепенное усложнение бюрократического аппарата: появляются новые должности и учреждения, связанные с налоговым сбором, землеустройством, статистическим учетом. Однако эффективность этих структур зачастую оставалась низкой из-за недостатка квалифицированных кадров среди местного насе-

ления и слабой интеграции дагестанцев в имперскую бюрократическую систему.

Лишь незначительное число представителей горских народов получало возможность занимать ответственные посты в администрации, что создавало почву для скрытого недовольства существующей системой управления.

Особую роль в дореволюционный период продолжал играть исламский фактор, проявлявшийся в сохранении влияния мусульманского духовенства на общественную жизнь. Имперская администрация вынуждена была считаться с этим обстоятельством, что нашло отражение в создании параллельных судебных систем – официальных окружных судов, применявших российское законодательство, и шариатских судов, рассматривавших дела по нормам мусульманского права.

Попытки властей ограничить сферу действия шариата (например, указом 1912 года о сокращении компетенции мусульманских судов) встречали сопротивление не только со стороны духовенства, но и широких слоев населения. Это противостояние стало одним из факторов, способствовавших росту антиколониальных настроений в предреволюционные годы. Примечательно, что даже в условиях формального преобладания имперских административных структур, реальное влияние кадиев и мулл в сельских обществах зачастую превышало авторитет официальных представителей власти.

Первая русская революция 1905–1907 годов активизировала политическую жизнь в Дагестане, способствуя появлению первых организованных национальных движений. В этот период формируются две основные тенденции в среде местной интеллигенции: с одной стороны, просветительско-реформаторская, ориентированная на постепенную модернизацию общества в рамках имперской системы (представленная, в частности, газетой «Дагестан»), с другой – более радикальная, выступавшая за культурную и политическую автономию.

Важным проявлением этих процессов стало создание в 1917 году Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, который предпринял попытку формирования альтернативной модели государственности. Однако отсутствие единства среди лидеров движения (между сторонниками светского и исламского государства), а также сложная военно-политическая обстановка периода Гражданской войны не позволили реализовать эти проекты.

К 1917 году административная система Дагестана представляла собой сложный конгломерат устаревших и новых институтов, находившихся в состоянии перманентного кризиса. Формально сохранявшаяся военно-народная система управления фактически утратила эффективность, в то время как попытки ее реформирования наталкивались на сопротивление как консервативных кругов местного общества, так и бюрократического аппарата империи.

Нарастающее отчуждение между населением и администрацией, экономические трудности военных лет, активизация национальных движений –

все эти факторы создавали предпосылки для радикального пересмотра всей системы управления в период революционных событий 1917 года. Характерно, что даже после Февральской революции Временное правительство не успело реализовать сколько-нибудь последовательную программу административных преобразований в регионе, что оставило вопрос о будущем устройстве власти открытым для различных политических сил в условиях нарастающей анархии.

Административно-политические изменения в Дагестане в дореволюционный период следует рассматривать как сложный, многомерный процесс, в котором переплетались элементы модернизации и традиционализма, централизации и местной автономии. Несмотря на формальное включение региона в общеимперскую систему управления, реальные механизмы власти продолжали во многом основываться на компромиссе между имперской администрацией и местными социальными структурами. Этот неустойчивый баланс был окончательно разрушен революционными событиями 1917 года, открывшими новый этап в истории государственного строительства в Дагестане.

Процесс советизации Дагестана, развернувшийся в период с 1917 по 1921 годы, представлял собой сложный и многоаспектный социально-политический феномен, в ходе которого происходила радикальная трансформация всей системы государственного управления. Как отмечает И.А. Исаев, «Западный образец [марксизм] серьезно трансформировался применительно к российским условиям. Это проявилось и в мобилизационной политике военного коммунизма с его элементами крестьянского утопизма: уравнилельным землепользованием, отменой денег и торговли и проч.» [1, с. 5]. В Дагестане этот процесс усложнялся необходимостью интеграции традиционных институтов (джамаатов, шариата) в новую советскую модель. А.И. Клименко, говоря о правовой идеологии как инструменте трансформации государственности, хорошо дополняет анализ советских преобразований в Дагестане: «Правовая идеология становится ведущей при трансформации государственности, выражая новые политические ценности через юридические формы» [4, с. 7].

Этот период характеризовался ожесточенной борьбой различных политических сил, включая большевиков, представителей национальных движений, сторонников Горской республики и белогвардейцев, что привело к формированию уникальной модели советской государственности, учитывавшей специфику многонационального региона.

Формирование новых органов власти осуществлялось в условиях гражданского противостояния, экономической разрухи и необходимости интеграции традиционных институтов в новую политическую систему.

Февральская революция 1917 года создала в Дагестане ситуацию двоевластия, характерную для многих регионов бывшей Российской империи. С одной стороны, продолжали существовать структуры Временного правительства в лице Особого Закавказского Комитета, с другой – начали форми-

роваться Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Особенностью дагестанского случая стало активное участие в политическом процессе национальных организаций, прежде всего Союза объединенных горцев, который в мае 1917 года созвал в Темир-Хан-Шуре съезд горских народов Кавказа.

В этот переходный период проявились существенные различия в политических ориентациях различных социальных групп. Городское население, особенно в промышленных центрах вроде Порт-Петровска (Махачкалы), в большей степени поддерживало социалистические идеи, тогда как сельские районы сохраняли приверженность традиционным институтам власти. Такая социальная дифференциация предопределила сложный характер последующей советизации, которая в горных районах встречала значительно большее сопротивление, чем в равнинной части Дагестана.

Решающий этап советизации Дагестана пришелся на 1918-1920 годы, когда регион стал ареной ожесточенных боевых действий между различными политическими силами. Особенностью гражданского противостояния в Дагестане стало переплетение классового и национального факторов. Большевикам пришлось вести борьбу не только с белогвардейцами, но и с правительством Горской республики, которое, несмотря на провозглашенные демократические принципы, в действительности представляло интересы национальной буржуазии и части духовенства.

Ключевую роль в установлении советской власти сыграли военные успехи 11-й Красной Армии, которая в марте 1920 года заняла основные центры региона. Однако военная победа большевиков не означала автоматического решения проблемы легитимности новой власти. Для укрепления своих позиций советскому руководству пришлось пойти на компромисс с частью национальной интеллигенции и традиционными лидерами, что нашло отражение в политике коренизации аппарата управления.

Юридическое оформление новой системы власти произошло на Чрезвычайном съезде народов Дагестана в ноябре 1920 года, где была провозглашена Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика. Принятая в 1921 году Конституция ДАССР закрепила принципы советской демократии, предусмотрев создание системы съездов Советов как высших органов власти. Однако реальные механизмы управления существенно отличались от формальных конституционных норм.

С.Н. Бабурин подчеркивает, что национально-государственное устройство СССР, включая создание автономий, было попыткой сохранить единство России после распада империи: «При большом лукавстве советской национальной политики право национального самоопределения, на котором строят государственное устройство большевики, вызвано вынужденным приспособлением центробежных сил, набравших силу после крушения в 1917 г. Российской империи, стремлением сохранить единство России» [2, с. 13].

Фактически власть концентрировалась в руках узкого круга партийных руководителей и представителей чрезвычайных органов – Дагестанского революционного комитета и областного комитета РКП(б). Такое положение отражало общую для всего советского государства тенденцию подмены представительных органов партийными структурами, что особенно ярко проявилось в национальных регионах, где традиции парламентаризма отсутствовали.

Процесс создания нового государственного аппарата в Дагестане столкнулся с рядом специфических трудностей, обусловленных местными условиями. Острейшей проблемой стал дефицит квалифицированных кадров, знакомых с принципами советского управления. В этих условиях большевики были вынуждены привлекать к работе в органах власти представителей старой интеллигенции и даже бывших чиновников царской администрации, что вызывало недовольство среди радикально настроенных коммунистов.

Особого внимания заслуживает процесс интеграции традиционных институтов в новую систему управления. В отличие от центральных районов России, где сельские советы создавались практически на пустом месте, в Дагестане они часто формировались на базе существовавших джамаатов, что придавало местному самоуправлению специфический характер. Такая практика, с одной стороны, облегчала внедрение советской модели, с другой – сохраняла элементы традиционного уклада, что впоследствии стало источником постоянного напряжения между центральной властью и местными элитами.

Установление советской власти сопровождалось радикальными преобразованиями в экономической сфере, которые оказали существенное влияние на процесс государственного строительства. Национализация промышленных предприятий, земельная реформа и создание системы государственного распределения требовали формирования разветвленного аппарата управления. В этих условиях происходила быстрая бюрократизация новой власти, сопровождавшаяся ростом численности государственных служащих.

Социальные последствия советизации были неоднозначными. С одной стороны, новые власти проводили политику выравнивания правового статуса различных социальных групп, что особенно важно для такого многослойного общества, как дагестанское. С другой – жесткие методы реализации продовольственной диктатуры и борьбы с «контрреволюционными элементами» вызывали сопротивление значительной части населения, вылившееся в вооруженные выступления, наиболее крупным из которых стало восстание 1920-1921 годов.

Особую сложность для новой власти представлял вопрос взаимоотношений с исламскими институтами, традиционно игравшими важную роль в жизни дагестанского общества. Первоначально советское руководство пыталось найти компромисс с мусульманским духовенством, до-

пуская существование шариатских судов и даже включая представителей духовенства в состав некоторых органов власти. Однако по мере укрепления своих позиций большевики перешли к политике последовательного ограничения влияния религии на общественную жизнь.

Этот процесс сопровождался острыми конфликтами, особенно в горных районах, где исламские традиции были наиболее сильны. Политика воинствующего атеизма, активно проводившаяся с середины 1920-х годов, встречала сопротивление не только со стороны духовенства, но и широких слоев населения, что создавало дополнительные трудности для консолидации новой системы власти.

К середине 1920-х годов процесс формирования советской системы власти в Дагестане в основном завершился. Созданная административная структура сочетала формальные элементы советской демократии (систему съездов Советов, выборность органов власти) с реальным доминированием партийного аппарата. Особенностью дагестанского варианта стало сохранение определенного баланса между централизаторскими устремлениями большевиков и необходимостью учета местной специфики.

Долгосрочные последствия советизации оказались противоречивыми. С одной стороны, была создана современная система государственного управления, способствовавшая экономическому и культурному развитию региона. С другой – подавление альтернативных политических проектов и жесткая централизация власти заложили основы для многих проблем, проявившихся в последующие десятилетия, включая формальный характер автономии и слабую эффективность местного самоуправления.

Процесс советизации Дагестана представлял собой сложное переплетение революционных преобразований и вынужденных компромиссов с местными традициями. Сформированная в этот период система власти, несмотря на все свои противоречия, определила дальнейшие пути политического развития региона на протяжении всего советского периода и оказала существенное влияние на постсоветскую трансформацию государственных институтов.

Формирование системы государственной власти в Дагестане на протяжении XX столетия происходило в условиях уникального этнополитического ландшафта, что предопределило особый характер становления и трансформации управленческих институтов. Многосоставная этническая структура региона, где исторически сосуществовали десятки народностей с собственными традициями самоуправления, создавала как возможности, так и серьезные вызовы для строительства эффективной системы власти.

Специфика дагестанского случая заключалась в необходимости постоянного поиска баланса между унификацией административных практик и учетом местных особенностей, между централизаторскими устремлениями государства и автономистскими тенденциями этнических сообществ.

Традиционная система управления в дореволюционном Дагестане основывалась на сложном переплетении нескольких принципов организации власти. Во-первых, это институт джамаата - сельской общины с элементами прямой демократии, где ключевые решения принимались на общем сходе. Цитата из статьи А.П. Альбова и соавторов подчеркивает, что государственность включает не только политические институты, но и культурно-исторические традиции: «Государственность представляет собой сложный комплекс элементов, структур, институтов публичной власти, а также компонентов неполитического характера, обусловленных самобытностью условий жизнедеятельности конкретного народа» [3, с. 24].

Во-вторых, существовала система этнических княжеств и ханств (Аварское, Казикумухское, Кайтагское и другие), где власть носила наследственный характер. В-третьих, значительное влияние имело мусульманское духовенство, осуществлявшее не только религиозные, но и судебные функции через шариатские суды. Такой полицентричный характер власти исторически сложился как адаптационный механизм в условиях горной местности и этнической мозаичности.

Вхождение Дагестана в состав Российской империи после Кавказской войны не привело к кардинальной ломке этих традиционных структур. Военно-народная система управления, введенная царской администрацией, предусматривала сохранение многих элементов местного самоуправления при надстройке имперских административных институтов.

Это создало своеобразный гибридный механизм власти, где формальные полномочия принадлежали русским чиновникам, а реальное влияние на местах сохраняли традиционные элиты. Подобный компромиссный характер управления стал важной предпосылкой для последующего развития этнополитических процессов в регионе.

С установлением советской власти в начале 1920-х годов этнополитическая организация управления в Дагестане претерпела существенные изменения. Политика коренизации, проводившаяся в 1920-1930-е годы, предполагала активное вовлечение представителей местных народов в органы власти при сохранении контроля со стороны партийных структур.

В этот период сформировалась уникальная система этнического квотирования, когда руководящие посты распределялись между основными этническими группами (аварцами, даргинцами, кумыками, лезгинами, лакцами и другими) по принципу пропорционального представительства.

Особенностью дагестанской модели стало создание в 1921 году Дагестанской АССР как формы национально-территориальной автономии для всего многонационального населения региона, а не для какой-то одной титульной нации. Это решение, с одной стороны, позволило избежать межэтнических конфликтов по поводу статуса тех или иных народов, с другой - заложило основы для формирования специфической системы этнополитического управления, где ключевые решения принимались через сложные механизмы межэтнического согласования.

В послевоенный период, особенно с конца 1950-х годов, происходила постепенная унификация системы власти, однако этнический фактор продолжал играть важную роль. Формально провозглашенный принцип интернационализма на практике сочетался с неформальными нормами этнического представительства в партийных и советских органах. Такое положение создавало своеобразный «этнический баланс» в управлении республикой, который, при всех своих противоречиях, обеспечивал относительную стабильность в межнациональных отношениях.

В этой связи уместно сказать, что «советская модель единения народов в многонациональном государстве, по сути, есть отечественный опыт, который требует осмысления и возможного применения в современных условиях укрепления российской государственности» [8, с. 25].

Распад СССР и становление новой российской государственности поставили перед Дагестаном сложные вопросы организации власти в изменившихся условиях. В 1990-е годы этнический фактор приобрел особую значимость, что проявилось в ряде острых политических кризисов, включая конституционный кризис 1992-1994 годов. «Гибель в 1991–1992 гг. построенных по национально-государственному принципу СССР и Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) показала системную нестабильность даже конституционных объединений по национальному признаку» [2, с. 12].

В результате сложных переговоров между различными этнополитическими группами была принята Конституция Республики Дагестан 1994 года, которая закрепила уникальную коллективную форму высшей власти – Государственный Совет, состоявший из представителей основных народов республики.

Эта модель, просуществовавшая до 2003 года, представляла собой попытку адаптации традиционных практик межэтнического согласия к новым политическим реалиям. Ее особенностью стало сочетание демократических институтов (выборов, парламентаризма) с элементами консоциативной демократии, где ключевые решения принимались через сложные переговоры между этническими элитами. Однако нарастающие проблемы коррупции, клановости и неэффективности управления привели к отказу от этой системы и переходу к президентской форме правления.

Введение в 2003 году института президентства в Дагестане ознаменовало новый этап в развитии системы власти. При этом этнический фактор, хотя и перестал быть формально закрепленным в конституционных нормах, продолжает играть существенную роль в политических процессах. Современная модель управления республикой сочетает централизацию власти с сохранением механизмов этнического представительства на уровне муниципалитетов и в структурах гражданского общества. «Синтез функционального и идейного подходов позволяет выделить функциональное наполнение государственно-

сти, выходя за рамки одностороннего взгляда на сущность государства» [3, с. 25].

Особого внимания заслуживает эволюция местного самоуправления, где традиционные формы организации власти (джамааты, советы старейшин) продолжают существовать параллельно с официальными институтами. Цитата о сочетании правовых и традиционных ценностей в России хорошо иллюстрирует дагестанскую специфику, где формальные институты власти взаимодействуют с неформальными традиционными структурами: «Синтез правовых норм и традиционных ценностей создает устойчивую модель управления, где формальные институты получают дополнительную легитимность через связь с местными традициями» [4, с. 8].

В горных районах особенно заметно влияние неформальных этнических лидеров, чей авторитет зачастую превышает влияние официальных должностных лиц. Такое сосуществование формальных и неформальных институтов создает сложную, но относительно устойчивую систему управления, способную адаптироваться к вызовам времени.

Анализ современной ситуации позволяет выделить несколько тенденций в развитии этнополитической организации власти в Дагестане. С одной стороны, наблюдается постепенная профессионализация управленческого аппарата, где этническая принадлежность все чаще уступает место профессиональным

качествам. С другой – сохраняется значение неформальных этнических сетей и клановых структур, влияющих на принятие решений. Особую роль играет процесс формирования общедагестанской гражданской идентичности, которая не отрицает этнического многообразия, но создает основу для более эффективного государственного управления.

Опыт Дагестана демонстрирует, что в условиях полиэтничного региона устойчивая система власти должна сочетать универсальные принципы государственного управления с учетом местной специфики. Поиск этого баланса остается сложной, но необходимой задачей, от решения которой зависит будущее политическое развитие не только республики, но и всего Северо-Кавказского региона.

Таким образом, становление органов государственной власти в Дагестане в начале XX века представляло собой сложный и противоречивый процесс, в котором переплетались имперское наследие, революционные преобразования и местные традиции самоуправления. Формирование советской модели управления заложило основы дальнейшего развития республики, однако сопровождалось подавлением альтернативных политических проектов и усилением централизации. Эти процессы оказали долгосрочное влияние на политическую систему Дагестана, определив ее специфику вплоть до начала XXI века.

Список источников

1. *Исаев И.А.* Государство и политика в исторической ретроспективе. Восток — Запад: геополитические повороты России в X—XXI вв. // История государства и права. 2024. № 5. С. 1–6.
2. *Бабурин С.Н.* Государственное устройство России: уметь на опыте прошлого моделировать будущее // История государства и права. 2024. № 10. С. 8–19.
3. *Альбов А.П., Павченко В.Ю., Пищулин А.В.* Государственность как теоретико-правовая проблема: синтез подходов // История государства и права. 2024. № 11. С. 20–25.
4. *Клименко А.И.* Диалектико-материалистическое понимание правовых ценностей в рамках социологического подхода к праву // История государства и права. 2024. № 1. С. 2–10.
5. *Бабурин С.Н.* Принципы Русской (российской) государственности в правовом и нравственном измерении // История государства и права. 2025. № 1. С. 12–20.
6. *Ланова Г.М.* Государство, государственность и государственно-правовая система: соотношение понятий // История государства и права. 2025. № 1. С. 20–27.
7. *Смирнова М.Г.* Механизм обеспечения традиционных ценностей // История государства и права. 2025. № 1. С. 27–32.
8. *Абдуллаев М.Н.* Государственность дагестанских народов: историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2024. 486 с.
9. *Абдуллаев М.Н., Тонков Е.Е.* Преемственность государственности: сущность явления в историко-правовом ракурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 1 (56). С. 77–84.
10. *Абдуллаев М.Н.* К проблеме понимания государственности республики - субъекта федерации в российской юридической науке (на примере Республики Дагестан) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 43–48.
11. *Гаджиев Д.М.* Государственный совет Республики Дагестан и Глава Республики Дагестан как субъекты предупреждения региональной преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 88–97.
12. *Гордеев А.Г.* Эволюция федерализма в России (XIX–XX вв.): от теоретических разработок к практической реализации // История государства и права. 2024. № 5. С. 9–13.

References

1. *Isaev I.A.* Gosudarstvo i politika v istoricheskoi retrospective. Vostok — Zapad: geopoliticheskie povoroty Rossii v X—XXI vv. [State and Politics in Historical Retrospective. East-West: Russia's Geopolitical Turns in the 10th–21st Centuries], *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2024, no. 5, pp. 1–6. (In Russ).

2. Baburin S.N. Gosudarstvennoe ustroistvo Rossii: umet' na opyte proshlogo modelirovat' bu-dushchee [State Structure of Russia: Learning from Historical Experience to Model the Future], *Istoriya gosudarstva i prava [History of State and Law]*, 2024, no. 10, pp. 8–19. (In Russ).
3. Al'bov A.P., Pavchenko V.Yu., Pishchulin A.V. Gosudarstvennost' kak teoretiko-pravovaya problema: sintez podkhodov [Statehood as a Theoretical-Legal Problem: Synthesis of Approaches], *Istoriya gosudarstva i prava [History of State and Law]*, 2024, no. 11, pp. 20–25. (In Russ).
4. Klimenko A.I. Dialektiko-materialisticheskoe ponimanie pravovykh tsennostei v ramkakh sotsioaksiologicheskogo podkhoda k pravu [Dialectical-Materialist Understanding of Legal Values Within the Socio-Axiological Approach to Law], *Istoriya gosudarstva i prava [History of State and Law]*, 2024, no. 1, pp. 2–10. (In Russ).
5. Baburin S.N. Printsipy Russkoi (rossiiskoi) gosudarstvennosti v pravovom i нравstvennom izmerenii [Principles of Russian Statehood in Legal and Moral Dimensions], *Istoriya gosudarstva i prava [History of State and Law]*, 2025, no. 1, pp. 12–20. (In Russ).
6. Lanova G.M. Gosudarstvo, gosudarstvennost' i gosudarstvenno-pravovaya sistema: sootnoshenie ponyatii [State, Statehood and State-Legal System: Correlation of Concepts], *Istoriya gosudarstva i prava [History of State and Law]*, 2025, no. 1, pp. 20–27. (In Russ).
7. Smirnova M.G. Mekhanizm obespecheniya traditsionnykh tsennostei [Mechanism for Ensuring Traditional Values], *Istoriya gosudarstva i prava [History of State and Law]*, 2025, no. 1, pp. 27–32. (In Russ).
8. Abdullaev M.N. Gosudarstvennost' dagestanskikh narodov: istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk [Statehood of the Dagestani Peoples: A Historical and Legal Study: Dr. Law. sci. dis.]. Belgorod, 2024, 486 p. (In Russ).
9. Abdullaev M.N., Tonkov E.E. Preemstvennost' gosudarstvennosti: sushchnost' yavleniya v istoriko-pravovom rakurse [Continuity of Statehood: The Essence of the Phenomenon from a Historical and Legal Perspective], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of Voronezh State University. Series: Law]*, 2024, no. 1 (56), pp. 77–84. (In Russ).
10. Abdullaev M.N. K probleme ponimaniya gosudarstvennosti respubliki - sub"ekta federatsii v rossiiskoi yuridicheskoi nauke (na primere Respubliki Dagestan) [On the Problem of Understanding the Statehood of a Republic as a Subject of the Federation in Russian Legal Science (on the Example of the Republic of Dagestan)], *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik [North Caucasian Legal Bulletin]*, 2021, no. 2, pp. 43–48. (In Russ).
11. Gadzhiev D.M. Gosudarstvennyi sovet Respubliki Dagestan i Glava Respubliki Dagestan kak sub"ekty preduprezhdeniya regional'noi prestupnosti [The State Council of the Republic of Dagestan and the Head of the Republic of Dagestan as Subjects of Regional Crime Prevention], *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika [Law and Order: History, Theory, Practice]*, 2023, no. 1 (36), pp. 88–97. (In Russ).
12. Gordeev A.G. Evolyutsiya federalizma v Rossii (XIX–XX vv.): ot teoreticheskikh razrabotok k prakticheskoi realizatsii [The Evolution of Federalism in Russia (19th–20th Centuries): From Theoretical Developments to Practical Implementation], *Istoriya gosudarstva i prava [History of State and Law]*, 2024, no. 5, pp. 9–13. (In Russ).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Authors' contribution: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаев Магомедзапир Нурмагомедович, доктор юридических наук, доцент кафедры истории государства и права юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: mnabdullaev@mail.ru

Магомед Магомедзапирович Абдуллаев, аспирант, юридический институт Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: m.mabdullaev@mail.ru

Поступила в редакцию 25.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 25.08.2025 г.; принята к публикации 11.09.2025 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abdullaev Magomedzapir Nurmagomedovich, Doctor in Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law at the Law Institute of Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation. E-mail: mnabdullaev@mail.ru

Abdullaev Magomed Magomedzapirovich, Postgraduate student, Law Institute of Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation. E-mail: m.mabdullaev@mail.ru

Received 25.06.2025; approved after reviewing 25.08.2025; accepted for publication 11.09.2025